

Анастасия Евстюхина

Мюонное нейтрино,
пролетевшее сквозь
наши сердца

18+

Мюонное нейтрино

Анастасия Евстюхина

**Мюонное нейтрино,
пролетевшее сквозь наши сердца**

«Popcorn books»

2014–2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

Евстюхина А.

Мюонное нейтрино, пролетевшее сквозь наши сердца /
А. Евстюхина — «Popcorn books», 2014–2020 — (Мюонное
нейтрино)

ISBN 978-5-6047859-5-9

Семнадцатилетняя Таисия находится на лечении в детском отделении психиатрической клиники. У нее булимия. Девочки-соседки, коротая дни взаперти, делятся друг с другом историями. Тая вспоминает прошедшее лето на даче: Захара, юношу, по которому неровно бьется сердце; Люсю, лучшую подругу. А еще она вспоминает о болезни, которую долго от всех скрывала. Теперь, пересказывая свою историю девочкам из палаты и попутно общаясь с врачом, Тая постепенно, один за другим, пытается найти ключи к своему недугу.

УДК 821.161.1

ББК 84(2)6

ISBN 978-5-6047859-5-9

© Евстюхина А., 2014–2020

© Popcorn books, 2014–2020

Содержание

Посвящение	6
Ноябрь	7
Август	9
Ноябрь	14
Август	15
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Анастасия Евстюхина
Мюонное нейтрино,
пролетевшее сквозь наши сердца

© Анастасия Евстюхина, 2022

© Издание, оформление. Popcorn Books, 2022

Cover art © Max Reed, 2022

<https://lesathii.com/>

<https://www.instagram.com/lesathii/>

Посвящение

Родная моя Ясонька, Йана, по-прежнему с нежностью вспоминаю я желтыми нитями солнца и зелеными нитями электричек Петербург – Луга вышитое наше лето, коробку теней Ruby Rose с зеркалом, загнутые твои ресницы, лица, которые ты создавала, и картины; разговоры до рассвета о красоте, о книгах, о мужских и женских энергиях, походы в лес гольшом, тяжелые серебряные перстни на маленьких пальцах, образы, навеянные тобой. Жаль, больше мы не расчесываем друг другу волосы одной щеткой, не пьем крепкий чай в маленькой кухоньке на Просвещения (ты обнимаешь кружку ладонями, а не держишь за ручку, так никто больше не делает из моих знакомых), не лежим в траве у Мурина ручья, рассказывая друг другу прошлые жизни...

Дорогая моя К., наверно, ни одни подруги на земле никогда не были так близки, как мы с тобой в тот короткий и странный период, когда ты гуляла с парнем, в которого до истерики была влюблена я, и, надо признать, ближе мы уже вряд ли будем; и вряд ли я когда-либо смогу ощущать себя более живой, чем в то лето, ведь тогда мы были юны, распахнуты настезь всему первому, и души наши бегали в легких платьях, продуваемых насквозь космическими ветрами; благодарю тебя за каждый день, за каждую тропку, за каждый солнечный блик на мокром листе после дождя.

Дочь, маленькая моя девочка, тебе нет еще и года, но во многом эта книга родилась благодаря тебе, ради тебя; конечно, может, ты не захочешь ее читать, когда подрастешь, и я не буду настаивать, это твое право, но я бы хотела, чтобы ты прочла. Переосмысление прошлого – диалог с будущим...

Ноябрь

Тая сделала попытку закрыть дверь. Пухлая сильная рука санитарки придержала ручку.
– Я должна видеть, что ты там делаешь.
– Но это же туалет!
– Да. Ты находишься в надзорной палате. За тобой над-зор. Понимаешь?
– Даже гадить, что ли, без надзора не разрешается?
– Сейчас договоришься у меня до успокоительного. Не разрешается. Доктор наказал не оставлять тебя одну.

Впрочем, ты этого заслуживаешь...

Скукожившись, чтобы прикрыться, Тая приспустила шорты и трусы.

Села на унитаз, скрестив руки на коленях.

Санитарка продолжала стоять в дверях, уперев кулаки в крепкие бока.

– Отвернитесь хотя бы...

Еще немного, и Тая расплачется. Она уже не бунтует. Она просит.

– Пожалуйста.

Санитарка горделиво расправила плечи – будто раздулись мехи аккордеона, повернулась боком.

И на том спасибо.

Надзорная палата детского дурдома – блок из трех помещений. Большое квадратное – в него попадаешь сразу из коридора. Здесь четыре койки, ненавистная вечно открытая дверь в туалет, раковина в углу, столы в центре – сюда приносят еду; возле входа сидит днем и ночью неусыпный часовой – узколобая плечистая царица-нянька.

Руки у нее крепкие, как у мужика.

Нянькам нужны крепкие руки – одолевать буйных. Таких как Ленка. Или как Аня Корнева.

И манеры у няньки грубые. И шея, и нос, и пальцы – короткие, толстые, красноватые. Будто она вся наспех из глины вылеплена, в печи закалена. И душа в нее Богом через махонькую дырочку как в свистульку вдунута.

В квадрате спят трое: Аня Корнева – ее койка прямо возле няньки, Ленка и Ира Мальцева – самая младшая.

Аня Корнева – отказная. Так на карте маркером написано.

Ей девять, но говорить она умеет только – бэм, бэм.

Корнева брыкается руками и ногами как опрокинутая лошадь. И иногда у нее судороги.

Стриженная голова Корневой – кокос, у нее были вши.

Целыми днями она повторяет с разными интонациями:

– Бэм! Бэм.

Няньки привязывают ее к кровати на недлинную веревку – чтобы не бродила по палате.

– Бэм! Бэм?!

Ира Мальцева и Ленка с виду не сумасшедшие.

Ира не ест. Ей девять, но она мелкая, как дошколенок.

Няньки говорят, плохо растет, недостаточно витаминов.

– Ты не хочешь есть?

– Не-а.

– Почему?

– Просто не хочу.

– Даже вкусное? Так не бывает!

– Бывает. Мне просто неинтересно есть.

– Я тебе завидую, – вздыхает Тая.

Ленка большую часть времени выглядит как обычно. И можно думать, что с ней всё в порядке, пока однажды не увидишь, как она страшно хохочет, закидывая назад круглую кудрявую голову, и цитирует при этом Апокалипсис. И тогда нянька зовет другую няньку из коридора, потому что в руках у Ленки появляется поистине адская сила.

Один прут в ее металлической кровати согнут, и хочется надеяться, что это не она. Слишком жутко представлять, как такое могло случиться.

Квадрат продолжается двумя продолговатыми палатами, разделенными стенкой, – как две реки из озера вытекают.

В одной из рек – русалки, наяды... Наташка, Светка. Им по пятнадцать, у них длинные волосы. Они расчесывают их, сидя по-турецки на одной кровати. Наташка говорит: беременная она. Светка говорит про любовь. Учитель географии «такой лапочка». Наташка говорит, родители не знают о ребенке. Светка говорит, играли с «географиком» в бутылочку, выпало, поцеловал щеку и висок, ему двадцать пять... Они совсем не похожи на сумасшедших.

Они рады: третья койка-лодочка долго качалась порожняя.

– Твоя, – говорит нянька.

Она ставит пакет с Таинными вещами на тумбочку. Шерстяное клетчатое одеяло сложено квадратом. Подушка стоит углом вверх.

Во второй реке обитает Катя. Ей четырнадцать, и она все время зовет бабушку. Кажется, у нее нет родителей.

– Бабушка. – Среди ночи.

Отчетливо.

Сначала шепотом.

– Бабушка.

Потом громче, до крика.

– Бабушка?!

Катя встает, бродит по темной палате, фонарные тени ветвей плавают по стенам – будто водоросли в толще воды. Катя всегда в рейтузах. Катя ищет.

– Бабушка?!

Приходит нянька. Иногда она просит другую няньку из коридора ей помочь. Они укладывают Катю, умертвляют до утра. Утопленница Катя с полуоткрытыми страшными глазами храпит.

Светка рассказывает: есть простой способ определить, целовался мальчик хоть раз «настоящему» или нет, нужно просто ему сказать, что он симпатичный, если покраснеет – нет. Наташка рассказывает: отец ребенка Ринат играл в хоккей на стадионе за школой, Наташка ходила смотреть с подружкой, переглядывались; жили рядом, Ринат свистел под окнами – выходи-жду, валил Наташку на снег, щекотал, хохотали.

Наташкина мама уходила в ларек работать на весь день, и Наташка, кинув портфель и пожевав булки с маслом, шла на двор.

Наташка боится, что о ребенке станет известно, ведь мама велит его убить и доучиваться в школе.

Светка говорит, географ гладил ее коленку.

Тая смотрит на мерклые пятна света, подрагивающие под потолком. «А над нами – километры воды. А над нами бьют хвостами киты...»¹

Из распахнутого туалета доносится умиротворяющее журчание.

– А у тебя что? – спрашивает Светка.

---

¹ Слова из песни «Дыханье» группы «Наутилус Помпилиус».

Август

– Шестерка пик.

Карта лежала рубашкой вверх. Ее тут же перевернули.

– Ничего себе! Угадала!

– Как вы это делаете?

Компания молодых людей – четыре девушки и двое юношей – пережидала дождь на просторном дощатом крыльце дачного дома. С желобков крупного шифера на землю тонкими струйками стекала вода.

– Мистика! Вам надо на «Битву экстрасенсов», по-любому!

Тая и Люся переглянулись, наслаждаясь произведенным впечатлением.

– Единое сознание! У очень близких людей появляется общее энергетическое поле. И один человек часто знает, что думает другой. Потому что мысли все в этом поле...

– Ты-то откуда знаешь, Серега?

– Меня родители таскали с собой к деду, под Лугу куда-то. Там нечего было делать совершенно! Интернета нет, конечно же, Сеть не ловит, в углу только телик маленький с пузатым еще экраном, я смотрел ТВ-3 от отчаяния уже; там рассказывали.

– По телику чушь мелют. Мои родители давно его выбросили. Спорим, это трюк. Давайте снова. А мы будем следить за девчонками внимательно. Наверняка у них есть тайный язык, и они просто сообщают друг другу карты.

– Захар у нас скептик, – сказала Оксана, – его байками про единое сознание не накормишь.

– Да пожалуйста! Не верите – повторим. Готова, Люсь?

Ребята окружили фокусниц, приготовившись ловить их на горячем.

Перетасовав колоду, Тая выложила на доски квадратом девять случайных игральные карты.

«Медлячок, чтобы ты заплакала, пусть звучат они все одинаково...» – залился мобильный у Сереги.²

Нюра приложила палец к губам.

– Ш-ш-ш, скинь.

Тая и Люся смотрели на карты.

– Запомнила?

Люся кивнула.

Тая собрала карты, перемешала и снова выложила квадратом, но уже рубашками вверх. Люся выбрала одну, запомнила; не показывая подружке, положила на место. Девушки соединили руки и некоторое время не двигались, вглядываясь друг другу в глаза.

– Семь червей! – воскликнула Тая.

– Вторая в верхнем ряду, проверим, – скомандовала Оксана.

Тая открыла карту.

– Семь червей! Семь червей! – захлопала в ладоши Нюра. – Они опять угадали!

– Я не заметил, чтобы они мухлевали, – сказал Серега.

– Ведьмы, – ухмыльнулся Захар, изящно дернув уголком рта, как только он один умел.

– Давайте я попробую с Люсей вместо Таи, – предложила Оксана.

Девушки уселись друг напротив друга. Люся повторила нехитрый цикл манипуляций с картами. Оксана выбрала из квадрата центральную, запомнила, вернула на место.

---

² Слова из песни «Выпускной медлячок» Басты.

Девушки соединили руки и взгляды. Все молчали, только дождь шуршал – будто бы кто-то мял конфетные обертки.

– Девять пик, – сказала Люся.

– А вот и нет. – Тая открыла карту. – Валет бубен.

– Давайте еще. Нужна статистика, – нахмурился Серега.

Но и на другой, и на третий раз фокуса не получилось. Люся называла не те карты, которые запоминала Оксана, и наоборот.

– Просто они не настолько близкие подруги, – подытожила Тая с загадочной улыбкой.

Она положила на колени блокнот и взялась за карандаш.

– Рисуешь? Покажи что-нибудь.

Нюра придвинулась к Тае и попыталась заглянуть через ее плечо.

– Я не люблю, когда читают письма, – Тая успела захлопнуть блокнот.

– Что у тебя там такого секретного? – поинтересовался Захар.

– Тебя не касается, – рубанула Тая.

– Дикая ты какая-то сегодня. – Нюра поднялась и подошла к краю крыльца. – Дождь закончился.

Умытый мир блистал. Над волнистой кромкой леса громоздились леденцовые предзакатные облака.

Тая проводила глазами ребят, нырнувших в дым садовой листвы.

– Наконец-то. Мне неуютно, когда слишком много людей.

Она раскрыла блокнот на случайной странице и черной гелевой ручкой принялась рисовать розу. Проводя линию, свежую пасту она размазывала пальцем – создавала тени.

– Да уж... – согласилась Люся. – Когда я ловлю на себе взгляд Оксаны, мне кажется, что она постоянно меня оценивает.

– Так ведь и ты ее оцениваешь, – сказала Тая, облизывая палец, чтобы легче было размазывать линии. – Ты же спрашивала меня после того, как мы вчетвером ходили в баню, у кого лучше фигура – у тебя или у нее.

– Красиво у тебя получается. Мне бы так. Я вот рисовать вообще не умею...

Роза под пальцами Таи один за другим разворачивала лепестки, обретала объем, пышность.

– Я думаю, Оксане нравится Захар.

– Послушать тебя, так весь мир в него влюблен! – с доброй насмешкой заметила Люся.

Тая фыркнула.

– Может, так и есть. Он ведь и тебе нравится? Нравится же? Хоть немного? Особенно эта его ухмылочка в стиле «бэд бой»?

– Да ну тебя! – Люся со смешком отмахнулась.

Рядом с розой на блокнотном листе проявлялся бутон – будто Тая чуткими пальцами стирала белый налет с готовой прекрасной картины.

– Оксана, мне кажется, тайно меня недолюбливает, – вздохнула Люся.

– С чего бы? Ответ очевиден всем, кроме тебя. Она ревнует!

Люся накрыла ладонями уши.

– Ей нравится Захар, – продолжила Тая, – а Захару, кажется, нравишься ты.

– Опять ты съехала на любимую тему. Ехал-болел мне твой Захар.

– Мы же подруги. Отчего ты мне не хочешь признаться?

– Да не в чем признаваться. Вот серьезно! Ты как будто хочешь меня убедить, будто он мне нравится.

– Я давно заметила, как он на тебя смотрит.

– Не. – Люся смущенно хохотнула. – Он на всех так смотрит. Взгляд у него такой. С поволокой.

Роза была почти готова.

– Можно мне поближе посмотреть? – Люся склонилась к плечу подруги.

Тая протянула ей блокнот.

– Смотри. Только страницы не переворачивай. Там дальше... другое.

– Думаешь, Серегина теория единого сознания – полный бред? – спросила Люся, разглядывая рисунок.

– Нет. Отчего же? Ведь мы сами не понимаем, почему угадываем карты. И не понимаем, почему не получается с Нюрой или с Оксаной. Опиши, как это у тебя происходит.

Люся задумалась.

– Не могу. Знание о карте приходит само. Просто приходит, и все. Неведомо откуда.

– Давай я попробую. А ты скажешь, похоже или нет.

Тая уселась на доски скрестив ноги, прикрыла глаза.

– Мы глядим друг на друга, – начала она монотонно, низким голосом, – долго-долго. Пока твои глаза не превращаются в мое небо, а мои – в твое. Пальцы наших рук переплетаются, как корни деревьев. Мы молчим и слушаем дыхание друг друга. Нет больше ни меня, ни тебя. Плавают невидимые контуры, мы становимся единым целым. Будто бы нас окружает теплое вязкое нечто; у него нет ни цвета, ни формы – никакого знакомого нам свойства. И в нем – в этом субпространстве – появляется карта. Она вращается, как этажерка с открытками в книжном. Я знаю ее. Потому что ты ее знаешь. И больше не осталось ничего в мире, о чем бы знала ты и не знала я.

Тая расслабилась и засмеялась.

– Ну ты даешь. Я бы ни за что так красиво не придумала...

* * *

– Пошли на пятачок.

Ожидая Люсю, расчесывающую волосы, Тая вертелась вокруг одного из столбиков крыльца подобно танцовщице у пилона.

– Кажется, ты похудела.

– Да? – делано удивилась Тая.

Порыв ветра надул на ней длинную юбку, солнечный свет пробился сквозь легкую алую ткань – будто внутри фонарика желаний возникли очертания стройных ног девушки.

– У тебя шикарная фигура...

Тая погасила довольный блеск в глазах. Промолчала – приняла комплимент как должное.

Если бы Люся только знала, чего тебе это стоило.

У подруг имелось любимое место в лесу – пятачок, так они называли его. На пригорке, окруженном рвами времен Отечественной войны, заросшими вереском, брусничником, толокнянкой, стояло удивительное дерево – очень старая, в два обхвата, сосна. Торчащие из земли могучие корни лежали кругом, точно выползшие погреться на солнце змеи. А нижняя часть ствола, практически лишенная коры, гладкая как камень, темно-серая, отшлифованная временем и всеми теми, кто приходил сюда, гладил ее и скоблил от нечего делать, имела выпуклое утолщение, своей формой поразительно точно повторяющее женскую грудь, на нем даже был «сосок» – зачаток наметившейся, но не выросшей в том месте ветви.

Тая и Люся проходили по главной улице через садоводство, выросшее на лесистом холме, точно семейство опят на пне, огибали шлагбаум на въезде, пересекали шоссе; в молчании, будто могилу, обходили автобусную остановку с выгоревшей на солнце надписью-граффити «Я люблю Захара М.», спускались и шли вдоль залива по двухколейной, когда-то проделанной трактором дороге, у самого берега – сухой и пыльной, а дальше, в бору, изрытой корнями, усыпанной прошлогодней мягкой бурой хвоей. Прогулка служила поводом остаться вдвоем.

Фраза «идем на пятачок» давно превратилась в позывной – когда одна из подруг произносила ее, другая только кивала: поняла, мол, есть разговор.

Тая присела на толстый корень и приветственно провела ладонью по могучему стволу сосны с «грудью».

Люся устроилась рядом и принялась поправлять кремовую розочку, устроенную в треугольном вырезе майки.

– Живая? Я не обратила внимания. Думала, брошка. В вашем саду таких вроде нет.

– Это мне принесли.

– Кто? Захар?

– Да... С братом заходил. На пару минут.

– Розочки дарит! Он на тебя глаз положил, говорю же.

– Не, брось... Они всем соседкам такие розочки выдали. И Нюре с Оксаной тоже. Ездили с утра куда-то на машине и нарвали.

– А мне не подарил. – Тая поджала губы. – Я для него особенная. Неприкасаемая. Других девчонок он и посмешит, и пощекочет, а ко мне на выстрел не подойдет.

– Ты сама себя так ведешь, что к тебе подходить не хочется. Будь я Захаром, не подошла бы. Со стороны виднее. Ты откровенно его игноришь в компании, на все его реплики, обращенные к тебе, отвечаешь односложно или вовсе как-нибудь странно. Вот хотя бы вчера. Ну не хотела ты показывать блокнот, дело хозяйское. Только огрызаться зачем? Может, твои рисунки ему интересны. Захар даже в лице переменялся, так ты его отшила.

– Ему все равно. Его не моя реакция огорчила, а то, что он не получил чего хотел. Красивые парни острее реагируют на обломы.

– Он мне сам сказал сегодня, когда я спросила, есть ли для тебя розочка: «Я бы принес, да она мне ладно спасибо не скажет, так ведь еще рожу скривит, точно я ей говно на лопате сунул». Твое поведение выглядит так неестественно! Пожалуй, даже напоминает издевательство.

– Ну и прекрасно! – Тая ехидно наморщила нос. – Пусть думает, что у меня все прошло. Что мне уже пофиг. И все остальные пусть тоже так думают. Пусть поскорее забудут. Нет ничего хуже, чем ловить на себе злорадно-жалостливые взгляды «она в него влюблена, а ему плевать, ах, бедняжечка...».

В устремленном на подругу взгляде Люси читалось искреннее сочувствие. Тая отвернулась, пытаясь одолеть знакомые «иголочки» в носу.

– Я ненавижу жалость, – сдавленно произнесла она. – Когда жалеешь, всегда мысленно ставишь себя выше, а когда жалеют тебя, то, даже если до этого ты крепился, нестерпимо хочется плакать. Жалость делает акцент на слабости. Она убеждает в ней и не помогает, а еще больше затягивает в безнадежность. Потому, прошу тебя, не жалеи. Никогда и никого. Это жестоко.

Перестав моргать, Тая сканировала взглядом густой штрихкод далеких стволов – пусть успевшие выступить слезы высохнут до того, как их заметят.

Вдруг нечто бесшумно проскользнуло мимо.

– Белка! – воскликнула Люся. – Смотри! Смотри!

Юркий зверек стрелой взлетел по золотисто-медному стволу сосны почти до самой вершины. Некоторое время девчонки сидели с поднятыми головами, высматривая его среди длинной голубоватой хвои.

Люся достала из кармана «Сникерс», принялась растягивать пальцами края упаковки, чтобы ее открыть.

Тая плавила лакомство неподвижным взглядом.

– Хочешь? – спросила Люся, освободив от упаковки соблазнительно подтаявший толстый шоколадный брусок.

– Нет, – быстро ответила Тая, отрезав себя этим коротким словом от возможного соблазна.

– Хорошо тебе, – жуя, прокомментировала Люся, – у тебя сила воли. А у меня – ляжки. Она ущипнула себя за сочную загорелую мякоть бедра. Потом шлепнула в шутку. Здоровая девичья плоть заколыхалась.

Тая молчала, разглядывая на кончике пальца свежую каплю смолы, прозрачную, как желтое стеклышко.

Сила воли... Эх...

Майя Плисецкая говорила: женщина один раз в жизни делает выбор, вкусно есть или хорошо выглядеть.

А ты все никак не определишься.

– Расскажи, как у тебя получилось похудеть? Ты считаешь калории? Или ешь только определенные продукты? Ты совсем не ешь сладости?

– Я мало ем, – уклончиво ответила Тая.

– Ну сколько примерно?

– Да не знаю я! Глупые вопросы ты задаешь!

– Не сердись. Я же ничего такого не имела в виду... Просто хотела узнать. Может, мне тоже...

Тая устыдилась своей вспышки. Подруга ведь не виновата; как и все прочие – родители, одноклассники, шапочные знакомые, которые походя замечали перемены во внешности Таи, – Люся заговорила о еде и диетах не со зла, а потому что не знает.

Ноябрь

Раздача передач. Обычно это происходит через час-другой после обеда – вроде как полдник. Царица-нянька ставит на стол пухлый пакет. Запускает туда свою надувную руку, добывает «Сникерс».

– Твое, – протягивает Наташке.

Наташка мотает головой – не буду, мол.

Светка за нее объясняет:

– Она же беременная. А «Сникерс» вредный. Ей вредное нельзя.

Светка деловито накрывает «Сникерс» ладонью.

– Куда? На место положь! – рычит нянька.

Ире Мальцевой достаются кефирчик «Тёма» и упаковка печенья. Она пододвигает их к себе обеими руками, но в умных карих глазах – никакого энтузиазма. Мальцева же не ест.

Буйная Ленка получает слойку с джемом и апельсин.

Светка – яблоко. Она торжественно меняется передачами с Наташкой. Наташка беременная: ей нужны витамины.

Ленка отдает Наташке свой апельсин.

Тая получает банан и батончик-мюсли.

«Блин... Ты просила йогурты жирности 0,1 %».

«Не злись на маму».

«Охо-хо. Спасибо ей, хоть не купила суперкалорийных шоколадок или булок!»

«Маме нелегко, пока ты здесь. Но она хотя бы делает вид, что понимает тебя».

Можно, конечно, отдать банан Наташке, но нянька смотрит. Другим можно подкармливать беременную, но она, Тая, должна съесть все. Так в карте написано.

В пакете осталась передачка для Корневой: сок и шоколад «Аленка».

Катя жалобно спрашивает:

– Бабушка?

– Ничего не принесла твоя бабушка, сиди, – угрюмо констатирует нянька, почесывая красное ухо.

Она распатронивает корневскую шоколадку, протыкает трубочкой пакет с соком.

– Бэм! Бэм?

– Ешь давай, – нянька запихивает Корневой в рот кусок шоколада так же, как до этого пихала слипшиеся в комки макароны с фаршем.

Вряд ли Корнева понимает различие между тем и другим. Она чавкает, рот ее черен. Нянька пихает ей трубочку. Корнева сперва дует в нее вместо того, чтобы тянуть, – сок брызгает во все стороны.

– Туда надо, а не обратно! Дура, не дуй! Соси!

Хихикает Светка.

Наташка, как лошадь, хрумкает яблоком.

Август

На стене – выцветший ковер с сюжетом «Три богатыря». Фотографии приколоты к нему булавками с головками-горошинами. Черно-белые, цветные. Ветер дует в окно, и они шевелятся – сухие листья древа жизни. Не всех людей на них Тая может назвать. Друзей бабушки, дедушки, родителей. Людей, давно умерших.

Над кроватью Таи бормочет в ночных сквозняках эта пестрая крона.

Незнакомый мужчина и незнакомая девушка в простом белом платье. Позади них – деревянная часовня. На истертой фотографии почти не видно деталей, складки длинной юбки кто-то подрисовал карандашом. Молодожены? Оба держатся старательно, неловко соприкасаются плечами – точно две керамические кружки. Будто им очень важно, как они получатся. Но вспышка застала их врасплох. Понесла их лица в будущее детскими, удивленными. Они снимались дважды в жизни. Это прабабушка с прадедушкой. Общие для Люси и Таи. Родители Люсиной прабабушки, Таиной бабушки и еще шестерых детей, прорастивших семейное древо в разных городах, разветвивших его детьми, внуками, правнуками, между собой уже чужими, непохожими...

На скошенной траве расстелены сброшенные куртки. Молодые люди расселись полукольцом – сияя глазами, зубами, счастливыми ямочками на щеках, они передают друг другу термос – привал. Собака, пробежав по переднему плану, оставила вечности лишь заднюю лапу и черную комету смазанного хвоста. На тропинке стоят позабытые корзины с грибами, ведра с ягодами. Это Люсин дедушка, его брат дядя Коля, их племянница Галя, мама Таи и друзья. Угол снимка оторван – тропинка будто бы уходит в другую реальность. Свернув туда, наверное, они могли бы навсегда остаться такими: смеющимися, осиянными зарей жизни. Люсин дедушка не ослеп бы, дядя Коля не сгорел бы у себя на даче, а их племянница Галя не родила бы сына-инвалида.

Налитое белое тело среди темно-серых маков. Воображение румянит кожу, оживляет зелень, зажигает алым каждый цветок. Эта томная красавица, прилегшая подремать на маковом поле, – двоюродная тетя Таи, умершая в тридцать два от женского рака.

Каждая фотография – маленькое окошечко, за которым происходит с кем-то жизнь: ароматы, облака, краски, хрупкие сны. Взглянуть вневременным оком в объектив, всего на миг, пока открыт затвор, как в замочную скважину, и замереть, и надумать, и никогда не узнать, как было на самом деле.

Среди фотографий зачем-то картинка с конфетной коробки фабрики Крупской. «Руслан и Людмила». Так получилось, что над нею больше старых, черно-белых снимков, а внизу – новых, цветных. Будто бы Руслан на коне, с мечом и щитом, как Харон, охраняет условную границу между миром мертвых и миром живых.

Белоголовые голые дети на пляже: глаза-щелочки, засвеченный край.

Люся, Тая. Битвы из-за лопаток, кукол, пластмассового крыла, отломанного от бабочки на колесиках, десятирублевки, найденной в песке, – души, перемешанные в шейкере общего детства. Люсиная сестра стоит поодаль, деловито, в белых трусах. Она считает себя слишком взрослой для купания гольшом.

Родители Таи и родители Люси собрались вместе, праздновать: кто-то прожил еще один год и не умер. С ними Таина бабушка и ее муж, по-стариковски сюсюкающий, похудевший, тряский, как тонконогая поганка, за полгода до своей кончины. Все сдвинулись к одному углу стола – уместиться в кадре. Помимо лиц, око фотоаппарата, неспособное ничего упустить, увековечило и поредевшие веера ломтиков колбасы, и вскопанные салатницы, и початую банку соленых огурчиков, «своих, с дачи».

Прошлом лето. Лодочная станция. Тая в закатанных штанах, босая, с веслом. Уверенная поза, густой чайный загар. Мокрые волосы – веревочками. Кепка – залихватски наискосок. Никто бы в жизни не подумал, что эта девчонка может считать себя толстой или некрасивой. Да, не худышка. Крепкие ноги, плечи. Женственные бедра...

Прошлом лето. Зацвели стенки колченогих пляжных кабинок, пропахших мочой и засто-
явшимся бытом советских санаториев. Вечером – мятый лист металла в пятнах ржавчины. Утром – яркое граффити.

Прошлом лето... Играть в Бэнкси было весело, пока не появилась надпись на автобусной остановке. Пока никто не догадывался. Пока Захар не дал понять осторожно, через друзей: ничего не может быть.

Запах девичьей комнаты – теплый, мыльный, пудровый.

В мягких волнах сквозняка чуть заметно покачивается и вертится привязанный к люстре невероятный шар из цветной бумаги – кусудама.

Голова Таи плавает в подушке – яблочко в молоке.

По утрам, еще не окончательно проснувшись, в полудреме, ты ощупываешь свое тело под одеялом. Раньше, чем открываешь глаза. Будто бы что-то могло измениться. Будто бы могло за одну ночь затопить холодным приливом студенистого целлюлита любимые атоллы подвздошных костей, высокий холмик лобковой. Прекрасные четкие линии.

*Ты боишься заснуть фигуркой-оригами и проснуться мягкой бесформенной грудой. Ты боишься обнаружить, что неожиданно заволокло жиром глубокую чашу живота или затупи-
лись острые грани грудной клетки.*

Ты ощупываешь.

Твое оригами-тело здесь. Оно пока с тобой. Боже, как это прекрасно. Боже, как ты хочешь это сберечь! Как боишься потерять! Вокруг столько еды... Еда – страх. Еда – боль. Еда – наслаждение.

*Когда ты встанешь, родители позовут тебя завтракать. Они будут при тебе намазы-
вать на ломти булки нежный плавленый сыр. Они будут пить густой от сливок кофе с саха-
ром. Он пахнет так сильно, что воздух в кухне кажется тягучим и сладким. Как карамель.*

Ты пройдеши мимо кухни, растягивая воздух-карамель торопливыми шагами, боясь увязнуть и остаться. Ты скажешь родителям, что позавтракаешь у Люси.

Ты должна так сказать.

Если ты сядешь за стол, то не удержишься.

Ты съешь слишком много.

И, чтобы защитить твоё оригами-тело...

...тебе придется делать ЭТО.

Тая берет джинсовую сумку через плечо, расшитую бисером, – с нею она не расстается, там ее блокнот, карандаши, мелки, ручки. Баллончик в потайном кармане.

В кухне приемник заикается в полосе помех, отец на Высоцком сделал погромче; заки-
пающий чайник шумит, как ветер в деревьях, уютно позвякивает посуда.

Мама:

– Ой, ну куда, уши закладывает. Да и треск такой.

– Минуту погоди, сейчас песня кончится. Люблю ее.

– Ладно, хорошо хоть не Летов, а то врубаешь на весь двор диски свои в гараже, стыдно...

Мама открывает холодильник:

– Ты колбасу доел? Вчера оставалось полпалки.

Отец:

– Не брал. Наверное, Тая ночью пришла голодная. День-деньской пропадает, ни обеда, ни ужина.

Высоцкий окончательно захлебнулся помехами; отцу не без сожаления пришлось завернуть круглую, как бутылочная пробка, ручку громкости.

– Да брось. Не может девочка столько съесть.

Отец не глядя, невероятно быстро – на автомате – сворачивает салфетку в лотос.

Тая с детства помнит повсюду оригами – невесомые, стремительные, остроугольные фигурки. Любой конфетный фантик в отцовских руках меньше чем за минуту превращался в игрушку – в цветок, в лягушку, в птицу.

Таечкины самолетики летали дальше и быстрее, чем у других ребят.

– Остатки булки тоже куда-то делись, – сетует мама, – и новый пакет печенья.

– Могла сама куда-нибудь сунуть, как из магазина пришла.

Тая крадется на подушечках пальцев, как рысь, мимо приоткрытой двери в кухню. Но у мамы зоркий глаз и ухо остро.

– Таисия! Доброе утро.

– Доброе, мам.

– Куда без завтрака? Опять соседей объедать? Торчишь там постоянно, как голодная собачонка, вот тебя за стол и приглашают – из вежливости. На самом деле никто кормить тебя не хочет. Садись. Поешь дома как следует. А то мне опять за тебя краснеть. Подумают, голодом тебя тут морят.

А когда ты, мама, не краснела?

Маме регулярно приходилось краснеть: перед гостями – за «художественный бардак» в комнате дочери. Перед гостями особенно тщательно распахивались по углам ненужные вещи, подметались неделями не метенные полы, протирались запыленная мебель.

В простые дни маме было некогда; с девяти до пяти пропадала она в своем загнивающим (физически и морально) НИИ, где в трудно проветриваемых затхлых помещениях, забитых отжившими приборами, на сорок лет задержался воздух эпохи застоя. А потом она уставала.

Маме приходилось краснеть перед учительницей. За огрызок яблока, сунутый в батарею в кабинете математики в начале пятого класса. За побеги с субботников в школьном дворе. За пряди, выкрашенные зеленкой.

Удивительно, что красный цвет не въелся в мамино лицо навечно.

Перед продавщицей, кондукторшей, консьержкой, билетершей в парке аттракционов... Маме приходилось краснеть за Таю везде.

Во всяком случае, так она говорит.

С крыльца послышался деликатный стук по дереву.

– Войдите! – прокричала мама из кухни. – Это к тебе, наверное, председатель. Где шоколадка? Вчера вроде была. «Альпен гольд» – бормотала она вполголоса. – К чаю нечего поставить. Барабашка, что ли, у нас завелся?

Председатель вошел, откинув рукой тюлеву завесу от мух, заменявшую летом дверь.

– Здрасьте, дядь Ген.

Тая просочилась мимо председателя вдоль стены и вынырнула из влажной тьмы коридора, пахнувшей домашними консервами, в желтое горячее утро.

* * *

Соседи, как и предрекла мама, завтракали.

Просторное крыльцо под навесом служило летней столовой. Свежие огурцы в салат снимали прямо со «стены» – между бревнами была натянута веревочная сетка – ползучие растения поднимались по ней до самой крыши.

– Садись, я уже скоро! – Люся приглашающе кивнула на свободное садовое кресло.

– Хочешь чего-нибудь? Может, чаю? – предложила Люсина сестра. Ее круглый беременный живот улыбался ситцевыми ромашками.

Домашние оладушки с яблоками. Густая холодная сметана.

Тая опасливо косилась на блюдо в центре стола, где высилась горка круглых, румяных, как детские щечки, оладушек. Цепкий глаз диетчицы приметил на столе и вазочку с шоколадными конфетами, и свежую халу, и мраморную ветчину, и кубики мягкой брынзы.

«Только одну. Всего ОДНУ оладушку. Ты ничего не ела. И потому это совсем не страшно, ОДНА оладушка на завтрак».

«Они пожарены в масле. Они очень калорийные и жирные».

«Но ОДНА – ничего страшного».

«Нет! Нельзя! Даже одну нельзя! ОНО всегда так начинается. ОНО подкупает безопасностью ОДНОЙ оладушки. Съесть оладушку – это пройти по краю пропасти. Ты не сумеешь. Ты опять СОРВЕШЬСЯ...»

– Задумалась, будто замуж зовут. Садись. Я тебе чай наливаю. – Люсина мама решительно выставила на стол еще один прибор.

В каком-то смысле ты ни при чем. Они ведь НАСТАИВАЮТ.

Тая села. Струя кипятка упала в красноватую от крепости заварку. В прозрачной чашке звилась вихрь чайнок.

На блюде перед Таей возникли две оладушки – широко распахнутые глаза чудовища. Чудовище смотрело на нее испытующим взглядом.

Ты все еще можешь спастись!..

Просто выпей чай.

Чай без сахара.

Без сахара!

Тая тоскливо взглянула на чашку с чаем. И взяла в руку оладушку. И откусила.

Слова «кушать» и «искушение» не случайно похожи...

Нежное тесто, тающее на языке. Распаренные кусочки тертого яблока. Тонкая, как калька, корочка в золотистых кружевных узорах.

Еще один кусочек. И еще. Вот и вторая оладушка исчезла. Тая вспомнила, что не попробовала со сметаной.

ТРИ оладушки. Это нормальная порция нормального человека. На завтрак. ТРИ оладушки – это еще не очень много. Не НАСТОЛЬКО много.

Тая продолжала успокаивать себя до тех пор, пока оладушек не стало восемь. Девятую оладушку она держала в руках. Десятая ждала на общем блюде. Последняя. Тая не хотела *порти*ть ее, не убедившись, что остальные уже наелись.

Теперь уже все равно, сколько ты съешь.

Можно навернуть бутерброд с брынзой.

А потом с ветчиной.

И чаю с конфетами попить тоже.

Уже без разницы. Уже и так много.

Уже СЛИШКОМ много.

Ты не сможешь себя простить.

И тебе придется делать ЭТО.

Поэтому чем больше ты съешь сейчас, тем лучше.

Ты испытаешь вкус всей этой еды.

А потом сделаешь ЭТО.

И не растолстеешь!

Помогая после завтрака Люсе убирать посуду, Тая торопила время.

«Уйти сразу было бы жутко невежливо. Дескать, позрять пришла... Да и сейчас невежливо. Люся подумает, что ты странная».

«Ну и наплевать. Толстеть теперь, что ли? Сделаешь ЭТО и вернешься».

Секунды укатывались с тарелок каплями. Падали солнечными мячиками с яблонь и акаций, что росли в саду перед домом.

Люся выставляла посуду на сушилку.

Пахло хозяйственным мылом.

Тая обернулась, услышав скрип ступеньки крыльца.

– Привет, девчонки!

Захар.

Захар!!!

В животе у Таи подхватило, как при езде по крутым холмам, когда тело отрывается от сидения велосипеда.

Ей нестерпимо хотелось остаться, но она *не могла*.

Нет ничего важнее, чем сделать ЭТО.

Или есть?

Захар поднялся на крыльцо, по своему обыкновению вальяжно прислонился к столбу, держащему навес. Стильно выбритые виски, длинная челка. Папироса за ухом.

Тая делала вид, что не замечает парня, – старательно протирала клеенку на столе. Клетчатую. Красно-белую.

В желудке противно плюхала горячая тяжесть съеденного.

Надо сделать ЭТО!

Срочно сделать ЭТО!

– Ребят, я скоро вернусь.

Тая спрыгнула с крыльца. Чтобы спуститься по лестнице, нужно было пройти мимо Захара. Он посмотрел ей вслед, пожал плечами.

Убедившись, что никто за ней не наблюдает, Тая побежала по главной аллее садоводства к выходу. В овраге, на каменистом берегу ручья, широким веером впадающего в залив, у нее имелось тайное место. Оно было надежно укрыто со всех сторон, и тут девушка могла не опасаться того, что ее застанут врасплох, спокойно посидеть, глядя на пенистые шлейфы камней, лежащих в воде, отдышаться после, умыться и запить горьковатый привкус желудочного сока.

До чего же мерзкое ощущение!

Когда желудок полон до отказа, учащается пульс, на лбу выступает пот.

Кажется, что есть не захочется уже никогда.

И приходит чувство вины.

За то, что не остановилась вовремя.

За то, что съела СЛИШКОМ много.

За то, что ела вообще.

Чувство вины и... СТРАХ.

Ты ощущаешь, как еда спускается вниз, стекает под кожей. Обволакивает твои бедра. Делает объемнее.

Ты трогаешь их – проверяешь. Один раз. Другой.

Это не от ума.

Ты можешь брать интегралы по частям.

Но перед этим страхом логика пасует.

Ты. Трогаешь. Бедра.

И действительно начинает казаться: они стали большие. Как только ты поела. Сразу. Пальцы погружаются в мякоть бедра. Оно раньше было тверже. Определенно было. Тверже. А теперь оно стало податливым. Будто подтаяло. Потому что под кожей теперь чавкает

жижа жирной еды. И тогда приходит она. Па-ни-ка. А потом... некоторое время спустя. Желание освободиться.

Остановить еду. Съесть ее обратно.

Тая встала ногами на два плоских камня. Поблескивая, змеился между ними ручей. Самое неприятное – начать. Дальше – проще.

Чтобы выдержать три перемены по двенадцать блюд на пирах, длившихся целыми днями, отведать соловьиные язычки, беременных зайчих, мышат, запеченных в меду, – лишь песку, затопившему колоннады роскошных триклиний, ведомо, что еще, – римские патриции при- бегали к очищению желудка всякий раз, когда он наполнялся до отказа: засовывая в рот перья павлинов, они вызывали у себя рвоту.

Не она первая.

Склонившись над водой, Тая вставила в рот два пальца. Надавила на корень языка. Раз, другой, третий.

Если ЭТО делать часто, рефлекс утрачивается. И с каждым разом избавиться от еды все труднее. Бывает, не получается вовсе. Тогда вся тяжесть содеянного обрушивается невы- носимой виной и обидой. Лежишь, как кит на песке, остаток дня, не в силах пошевелиться от тоски и обжорства...

И толстеешь. Неотвратно. Толстеешь.

Сладкая горячая струя вырвалась из Таи и упала в ручей.

Получилось!

По воде поплыли кусочки пережеванной ветчины, зеленые и красные чешуйки – бывший салат, рыхлые комочки пережеванной булки, оладий; коричневатая слизь, в которую превра- тились шоколадные конфеты.

В груди пекло от натуги. Из глаз текли слезы. Но с каждым спазмом крепла болезненная радость внутри.

Ты не растолстеешь!

Не растолстеешь!

Ручей уносил прочь мерзкие частички *испорченной* еды. Позорные свидетельства Таиной ненормальности, ущербности.

Кажется, все.

Последние два комочка теста вышли очень тяжело. Тае пришлось совать пальцы глубоко и сильно шевелить ими, чтобы вызвать рефлекс.

Она увидела в воде кровь. Опять...

«Стоп. Больше вроде ничего не выходит. Еда внутри кончилась. Спасена!»

«На этот раз. Но впредь надо держаться. Больше делать ЭТО нельзя. Ты же видишь – нельзя!»

Теперь Тая снова нормальная. Она присела, тщательно умылась ледяной водой, вымыла руки, склизкие от слюны и желудочного сока, оглядела покрасневшие костяшки пальцев.

Набрала пригоршню воды, прополоскала рот.

Подняться в гору, перейти шоссе по полустертой зебре возле остановки с надписью «Я люблю Захара М.», оглянуться – между деревьями мятой фольгой блестит поверхность залива – и можно опять жить. После удачного приступа Тая чувствовала себя обновленной, бодрой, очень-очень легкой – шариком, готовым улететь в небо.

Прием пищи вызывает прилив эндорфинов, точно так же как смех, поцелуй, катание на качелях или на лодке. Эндорфины – природные наркотики. Когда их слишком много, организм начинает привыкать. С каждым разом требуется больше и больше эндорфинов – больше и больше еды.

Тая огибает шлагбаум и входит в садоводство.

Возле магазина на лавочке девчонки едят мороженое.

Тая бросает на них снисходительный взгляд, как трезвый на пьяницу, и продолжает путь. Пища намного опаснее алкоголя, героина и прочих наркотиков: с нею не получится завязать.

Щурясь на солнце, Тая идет по главной улице. Красная юбка на ветру обливает прохладой стройные ляжки и икры.

Никто не знает. Никто не знает.

Захар и Люся все еще на крыльце. Они о чем-то говорят, Люся смеется, кокетливо запрокинув за ухо прядь волос.

К груди Таи приливает волна – северная, с острыми льдинками: она так не может. Не может говорить с ним, хохотать, глядя ему в глаза, кокетничать, быть естественной; она не имеет права при нем казаться глуповатой, неудачно шутить... Она должна *сохранять достоинство*: каменное лицо, прямая спина, рубленые жесты, односложные ответы. Чтобы никто ничего не подумал.

* * *

Листва на деревьях вскипала, кроны ходили ходуном, залив дышал штормовой свежестью, сдувая с берега последних купальщиков, торопливо сгребающих с лежаков вещи; пепельные тучи, похожие на густой дым, обложили небо.

Тая и Люся шли на пяточок.

Упругая духота напрягалась, натягивалась, как струна, до предела. Чтобы вот-вот, через секунду, зазвучать – зазвенеть ливнем.

– Просто обожаю последние минуты перед грозой. Замри.

Тая остановилась сама и жестом остановила подругу.

– Так сумрачно, так тихо. Внимай лесу.

Отчетливо слышалось прерывистое гудение шмеля в зарослях вереска.

Вдалеке над заливом уже маячили молнии, сшивая белыми нитками небо и море. Камушками в порожной телеге катался далекий гром.

– Может, все-таки вернемся? Сейчас как хлынет.

– Ты сама хотела рассказать, о чем вы говорили утром с Захаром. Хлынет – под деревом постоим.

– Нельзя под деревом: молния.

– Я читала про парня, которого молнией шарахнуло, но не убило. У него после этого появились необыкновенные таланты. Он стал невероятно быстро считать в уме. Смог выучить несколько языков. Я тоже так хочу!

– Ты и так талантливая. Не надо тебе молнию.

– Не талантливая. Не получается у меня.

– Что не получается?

– То, что я хочу нарисовать.

– Последнее? В блокноте? То, что ты никому не показываешь?

– Да.

– Покажешь? Я уверена, что мне понравится. Мне всегда нравятся твои рисунки!

– Ладно, самый сносный вариант покажу.

Тая открыла свою джинсовую сумку и достала блокнот. Недолго полистав его, протянула подруге.

Возникнув в дымке небрежных карандашных теней – будто отмывшись от небытия, но не до конца, – на Люсю глянуло лицо Захара.

Удивление, восхищение, немножко зависти. И – секунду спустя – сострадание.

– Очень похоже...

– Seriously?

– Конечно! И это ведь по памяти. Ты гений, короче.

Люсе теперь очень хотелось восторженными отзывами замылить изначально заявленную тему прогулки – утренний разговор с Захаром.

Тая приняла лестные слова как должное.

– Так о чем вы говорили?

Оттягивать дальше не было никакой возможности.

Люся опустила глаза.

– Извини, не так просто это сказать...

– Он предложил тебе встретиться? – подсказала Тая.

– Да...

– Ну, мать... Тоже мне! Удивила! Я давно замечала, как он на тебя смотрит. И надо было так жеманиться?

– Я думала... тебя это... огорчит. Парень, которого ты рисуешь... хочет гулять... с другой. И эта другая – твоя подруга.

– Те, кого я рисую, для меня – модели. С кем они встречаются, мне плевать. У Захара красивый лоб. И это единственное, что мне в нем интересно. Что же ты сказала? В ответ на предложение?

– Отказала, конечно, – тихо ответила Люся.

– Но почему? – изумилась Тая.

Она ожидала худшего. Не раз уже воображение подсовывало ей романтические клипы, в которых Захар объясняется в любви другим девочкам, дарит им букеты, шоколадки, мягкие игрушки с глупыми глазами. И эти девочки соглашаются. Всегда соглашаются. Как же возможно отказать *такому* парню? А Тая страдала. Страдала заранее. Страдала настойчиво и регулярно. Будто выплачивала взносы своему большому горю неразделенной любви.

Но, как ни странно, весть об отказе Люси не принесла ей облегчения. Напротив, Тая даже почувствовала неловкость.

– Надеюсь, не из-за меня? – строго спросила она.

– Нет. Я... Я просто не уверена, что хочу.

– Он не нравится тебе? – Тая смотрела с безжалостной прямоотой. Люсе очень хотелось отвести взгляд, но она держалась. Если спрятать в такой момент глаза, думалось ей, разве Тая поверит?

– Я не знаю.

– Не уходи от ответа. Не жалею меня. Если ты отказала потому, что боишься сделать мне больно, то мне не нужна такая жертва. Я не имею права ее принять. Я не прощу себе того, что стану помехой вашему чувству.

Тая заметила, конечно, характерный для домашних девочек, надыхавшихся до головокружения воздухом классики, книжный пафос в своих словах; она всегда его замечала. Но при всем желании она не смогла бы сейчас сказать ничего другого. Фраза выскользнула легко, словно заготовленная реплика актрисы. Люся сдалась-таки и опустила ресницы; на щеках ее проступил румянец.

– Так он нравится тебе? – повторила свой вопрос Тая. Час настал. Она готова была встретиться лицом к лицу со своей болью. Она устремилась ей навстречу, как соловей на шип розы. Она почти желала услышать «да».

– Нет, – ответила Люся.

Удивительно яркая длинная молния пересекла в эту секунду небо; вслед за нею сквозь лес, медленно нарастая, прокатился долгий рычащий гром. Порыв штормового ветра принес первую крупную каплю.

– Бежим! – Люся схватила расслабленную руку подруги и потянула Тая за собой.

Теплая ладонь, ласковое прикосновение. Следующий порыв ветра разметал длинные волосы Люси, до Таи донесся слабый запах шампуня.

Горько-сладкая нежность. Зависть.

Она высвободила руку.

Тае казалось, Люся лжет; слишком трудно ей было поверить, что кто-то может оставаться равнодушным к чарам Захара.

Он, конечно, с виду обыкновенный парень, не студент даже; школу терпел только до девятого. Но если уж ставит Захар себе цель очаровать какую-нибудь девчонку – все, попала... В ход идет фирменная ухмылочка – уголком губ. Взгляд дымный, теплый, влажный, как натопленная баня, с прищуром. Высокий лоб, длинная прядь через него – дугой.

Однако Люся и не думала обманывать подругу. Она действительно не могла разобраться в многоголосии эмоций и порывов, горлопанящих на разные лады в пятнадцатилетней душе беззаботным летом. Это бывает так трудно – понять себя. Отделить собственные побуждения от навеянных, осознанную необходимость от принуждения, интуицию от иллюзии. Захар улыбался, носил букетики придорожных лютиков, полевых гвоздик, люпинов, набрасывал на Люсины плечи куртку по вечерам. Он не был Люсе совершенно безразличен: в ней зарождалось, повинувшись настроению теплых вечеров, закатов, костров, нет, еще не чувство – смутное волнение по отношению к нему. Но чем это волнение было внушено Люсе – ухаживаниями юноши или переживаниями лучшей подруги, – так и останется тайной: две причины переплелись, словно побеги огурца на крыльце, невозможно было отделить одну от другой, и, скорее всего, обе имели место. В дуэте Тая + Люся Тая играла главную роль – постарше, талантливая, яркая; Люся тянулась за нею. Прошлым летом между подругами только и разговоров было, что о Захаре. Посмотрел так-то, сказал то-то, ухмыльнулся, пошутил, проводил. Тая болела Захаром как гриппом, и Люся, вероятно, заразилась – присмотревшись к Захару, она начала находить в нем все больше привлекательных черт, ее к нему потянуло.

Люся чувствовала себя виноватой перед Таей; ведь Захар как бы принадлежал Тае, пусть лишь в фантазиях и блокнотах, – но для лучшей подруги и это, по идее, стоп-сигнал. Люся стыдилась своего зарождающегося влечения к Захару и всячески пыталась подавить его в себе, задушить, выкорчевать – но, словно в отместку, оно только разрасталось и крепло, как борщевик, необоримое, глупое, сильное.

Захар продолжал ухаживать, и каждый визит его был для Люси испытанием.

– Давай гулять.

– Нет.

– Не хочешь? Зря. Я же охрененный. У меня даже сердце справа, мне мама говорила.

– Нет.

– Есть какая-то причина, по которой ты не хочешь со мной? Скажи.

– Не могу.

– Почему?

– Это сложно.

– Объясни. Я постараюсь понять.

– Какой ты настырный.

– Ну пожалуйста...

Очаровательная улыбка, которая, со слов Таи, «и стены плавит».

– Не могу!

– Это из-за нее?

Захар редко называл Таю по имени.

– Нет. Другая причина.

Люся спрятала взгляд. Не могла же она пустить коту под хвост все подругины усилия по демонстрации безразличия!

– Какая?

– Сложная причина.

Кольцо разговора замыкалось. С каждым разом оно все сильнее сужалось, стягивалось в узел.

– Наверняка из-за нее.

– Нет.

– Почему тогда не говоришь? У тебя есть кто-то?

– Почти.

– То есть тебе кто-то нравится, но он мямлит и ничего конкретного?

– Вроде того.

– Так и забей. Мямлит – говно, значит, не мужик. Я вот прямо говорю: ты мне нравишься.

Давай встречаться.

Пока Люся неустойчиво балансировала на грани между чувством вины и желанием поддаться зарождающемуся чувству, Тая повела себя неожиданно. Вместо того чтобы отваживать подругу от объекта обожания, она – умри, логика! – содействовала сближению Люси и Захара. Ее ревность работала точно огромная лупа.

– Это настоящая любовь. Она сулит вам обоим невероятное счастье. Ты только взгляни.

Окупись в его глаза. Я никогда не видела, чтобы парень так смотрел на девушку.

– Ну... не знаю. Ты так говоришь странно. Разве тебя это не задевает?

– Какая разница?! Мы сейчас не обо мне. А о вас. О тебе и о нем! Говорю тебе: я точно знаю. Я вижу. Я чувствую: это судьба!

– Но не могу же я с ним, когда ты...

– Забудь! Не говори больше об этом. И перестань ломаться. Скажи уже ему «да». Не мучай парня. Тем более по глазам твоим ясно, сама рада будешь. Влюбилась ты, мать! Я же вижу.

– Не преувеличивай. Ну если только он совсем немножечко мне симпатичен...

Вечерами Захар долго не уходил: на Люсином крыльце они просиживали до звезд. Тая выходила к качелям, на поляну перед домом, в темноту – делала вид, что оставляет влюбленных наедине. На деле ее молчаливое присутствие, чуть слышный треск веревок поодаль лишь усиливали неловкость между ними.

Лучи далеких прожекторов, как легкие кисти, мазали темное небо над заливом. Запрокинув голову, Тая раскачивалась долго-долго, до тех пор, пока ей не начинало казаться, будто бездна надвигается на нее, падает или она сама падает в бездну... Терялось ощущение пространства. Тая забывала про руки, держащие канаты, про сиденье, про черные контуры садовых деревьев. Она чувствовала себя крохотной частицей, несущейся сквозь космос.

Мю-он-но-е нейтрино.

Произносит Тая негромко, для себя.

«М» и «н» вибрируют, дрожат. Маленькие пружинки.

Качели летают – туда-обратно. В Таинной голове беспорядочно всплывают фразы из познавательного видеоролика про космические лучи, показанного вместо последнего урока физикой, помешанной на дополнительном образовании и поиске юных гениев среди апатичных жвачных старшеклассников: «Я юрист – значит, физика мне не нужна».

Мюонное нейтрино может пересечь Вселенную без единого взаимодействия.

До Таи доносились приглушенные голоса. Сидя в нескольких шагах, она острее ощущала свое одиночество. С крыльца лился свет фонаря, пятнами падал на листья и на траву, делая их неживыми, бронзовыми.

Хотелось ли Тае подойти? Послушать вместе с Люсей и Захаром музыку на телефоне? Поговорить о пустяках? Допить остывший чай после ужина? Они бы не прогнали. И вряд ли

переглянулись бы обидно, поднимись Тая к ним. Люся и Тая – лучшие подруги. У них не может быть причин разлучаться. Никаких причин.

Но Тае не хотелось подходить. Двоих на освещенном крыльце и одинокую девушку на качелях разделяли вовсе не несколько шагов по черной траве – между ними мерцали звезды тысяч галактик... Лететь сквозь которые миллионы лет.

Тая продолжала раскачиваться. До головокружения. До тошноты.

Ты мюонное нейтрино. Ты летешь сквозь Вселенную. Миллионы световых лет. Ты не взаимодействуешь. Тебе это не нужно. И им не нужно. Они два электрона в атоме гелия. Им хорошо. Поэтому гелий – инертный элемент. Электроны держатся друг за друга.

А ты мюонное нейтрино.

Ты всегда будешь одна. Одна.

* * *

Ничто так не вдохновляет на подвиги, как примеры из классической литературы. Тая как раз прочла «Идиота». Впечатления от книг и фильмов обычно долго в ней не утихали, пенились, бродили, как ягодное вино в папиной высокой бутылки, чтобы потом вылиться во что-нибудь очень странное. Тая воображала себя теперь Настасьей Филипповной, а Люсю – Аглаей Епанчиной.

Закатное небо проглядывало сквозь ветви сада красно-оранжевыми пятнами.

На досках пестрели карты. Шестеро завсегдаев Люсиного крыльца сидели кто на коленках, кто по-турецки. У столба тенью стоял щупленький белокурый юноша в очках – Серега галопом его представил: Олег, студент Серegiной мамы-искусствоведа – и наблюдал происходящее медленными чайными глазами.

Тае нашла его похожим на персонажа любимых бабушкиных комедий.

«Как же его?»

«Шурик!»

«Точно. Шурик!»

Тая мысленно окрестила Олега Шуриком – и тут же забыла о нем.

Тем более секундное возвращение на волне ассоциации в квартиру бабушки не было для нее приятным.

– Ты должна съесть все, даже если тебе не нравится.

– Почему?

– Потому что еда – жизнь, сила. В блокаду мы и щам на голубиных костях радовались! И хлебу с вазелином. Ты даже представить себе не можешь... Мы с сестренкой – мне три годика, ей пять – по полу ползали, крошки искали, зернышки, как мыши.

И приходилось давиться, из последних сил запихивать в себя вареный желток, который Тая ненавидела и дома, и в школе всегда оставляла на тарелке. Тая вздрагивала от отвращения, глотая желток под неусыпным оком бабушки.

У бабушки надо доедать все. Потому что была война. Телевизор в бабушкиной квартире всегда работал фоном. И если бабушка считала, что там идет что-то хорошее, она заставляла Таю сидеть и смотреть. Так Тая и узнала про очкастого Шурика.

Она усиленно искала для родителей предлоги, чтобы не ехать к бабушке. В последний год, слава ЕГЭ, много врать не приходилось. «Я съезжу после экзаменов, мам. Времени нет».

Карточная игра не слишком увлекала Таю. Ее взгляд подобно ножницам вырезал из происходящего лишь то, что могло так или иначе относиться к Захару, Люсе и их сакральной невоплощенной связи; остальные, лишённые формы, не нужные для Таиной прекрасной аппликации обрезки реальности без сожаления комкались, непознанные.

Играли в подкидного дурака, как толстовская детвора, вне времени, зависнув в уютной янтарной капле дачного вечера – в своем крохотном светлом и теплом шаттле «Юность» среди бескрайней Вселенной, полной чужих холодных звезд.

– В ларьке возле остановки никогда мороженое не покупай. Вечно у этой тетки оно мятое, будто она на нем сидела.

– Я вообще не люблю упакованное. Мягкое люблю, в рожках.

– А я «Экстрем».

– Да, «Экстрем» – тема. У него большой шоколадный конец!

– Шоколадный конец. – Захар значительно поднял палец и усмехнулся.

Смешинку подхватили. Покатилась дальше. Рассыпалась искрами.

Кончился кон. У Люси оставалось карт больше десятка, у Нюры – три карты.

– Твой ход, – поторопил Люсю Серега.

– Не знаю я, чем ходить. У нее одни козыри, чем ни пойдешь – я проиграю.

– Не глупи, – вмешался Захар, – козыри почти все вышли. Дай сюда!

Захар забрал у Люси полукруглый карточный веер.

– Эх ты, женщина, – картинно вздохнул он, выбрал из веера две карты и положил на доски.

Тысячи холодных игл вонзились Тае в живот от того, как это слово – женщина! – было произнесено. Покровительственно, нежно. Сцена передачи карт обрела романтическую окраску: Захар готов был принять за Люсю ее поражение, он проявлял мужественность, героизм, если угодно – в меру понимания, доступного его поколению, укомплектованному по Маслоу, не знавшему ни горя, ни голода, ни войны, – кастрированное, куцее, но все-таки героизм.

Нюра нахмурилась:

– Нечестно играть за другого человека.

– Какая разница!

Нюра обвела взглядом компанию, точно ища поддержки.

– Да пусть, – махнул руками Серега.

– Кроешь или берешь? – спросил Захар.

Нюра, нахмурившись, придвинула к себе карты. Затем, вздохнув, одну за другой присоединила их к своим трем.

– Вот видишь! – воскликнул Захар, приобняв Люсю за плечи. – Мы еще повоюем!

С удвоенной энергией он принялся рыскать глазами по карточному вееру.

– Так, так. Чем бы ее еще подкормить?

Тая выпала из реальности. Она не видела ничего, кроме его длинных пальцев, пробегающих, как по клавишам, по уголкам карт. Кроме тонкой пряди дугой над его высоким лбом.

Томительное предчувствие боли охватило Таю: сейчас, пока он еще ничей, она может балансировать на тонкой грани между отчаянием и надеждой, может хвататься за обрывки иллюзий, отгораживаясь от очевидного. Но рано или поздно Захар найдет себе подругу. Возможно, Тая станет свидетельницей их объятий, поцелуя. И тогда...

Мир включит боль.

Боль воссияет ослепительно, как пламя взрыва, прокатится по сознанию, выжигая мысли, от края до края.

Она и сейчас есть, но фоном, шепотом. Тая к ней привыкла, как привыкают к ломоте в суставах на перемену погоды, к тяжести в печени после жирной пищи и прочим повседневным медленным спокойным болям.

Но когда у Таи истощится надежда.

Когда истает последняя иллюзия.

Мир включит боль на полную.

И будет крутить ее, пока не сядут Таины батарейки. Пока она не останется лежать на своей кровати неподвижная, отзвеневшая, выплаканная насухо, легкая, как пустая чашечка физалиса, как дохлая муха между оконных рам.

– Девчонки, покажете ваш фирменный карточный фокус? Олег же ни разу не видел!

– Тут тебе не цирк, – отбрила Тая, вырванная из своего стеклянного кокона.

– Если трудно, не стоит, – тихо отозвался скромняга «Шурик».

– Жалко тебе, что ли? – спросил Захар.

– И правда... Нам ведь не жалко. Давай покажем? – сказала Люся.

Подруги сели друг напротив друга.

– Выбери из колоды девять карт, – велела Олегу Тая. – Чтобы вы не думали, будто они какие-нибудь крапленые. Пусть он сам выберет.

«Шурику» вручили колоду. Он покорно вытащил девять карт и отдал Тае. Их разложили квадратом на полу – рубашками вниз. Подруги посмотрели на карты, затем – друг другу в глаза.

– Готова?

Люся кивнула.

Карты собрали, перемешали. Снова разложили квадратом, но уже наверх рубашками. Люся выбрала карту, посмотрела на нее, вернула на место.

Тая взяла подругу за руки.

«Твои глаза превращаются в мое небо, а мои – в твое. Наши пальцы переплетаются, как корни деревьев. Мы молчим и слушаем дыхание друг друга. Нет больше ни меня, ни тебя. Плавают невидимые контуры, мы становимся единым целым...»

– Дама червей, – произносит Тая. – Замужняя или влюбленная, – добавляет она через секунду.

– На игральных картах никто не гадает. Игральные карты врут. Даже если на них посидела нецелованная, – с видом знатока изрекает Оксана.

– Я шучу. – Голос у Таи веселый, но в глазах сверкает холодный хрусталь печали.

Люся открывает карту.

Выдох.

– Получилось! – радуются Нюра с Оксаной.

Следующей угаданной картой оказывается король треф.

– Поклонник, – комментирует Тая.

Третья карта – десятка пик.

Четвертая – дама бубен.

– Соперница!

Захар смотрит дымно, приторно. Сыто шурится. Он видит не карты, а подтекст.

– Здорово! – тихо говорит «Шурик».

Фокус повторяется по установившейся традиции девять раз. Дважды девочки ошибаются.

– Семь из девяти, – подводит итог Нюра. Она немного огорчена.

– Обычно бывает восемь, – поясняет Олегу Оксана, будто бы оправдывая Люсю и Таю перед гостем.

– Облажались, – говорит Захар с усмешкой.

Ему простят. И это, и много чего другого. Он король треф. Он это точно знает. Дама червей и дама бубен будут трепетать и плакать. Он может выбрать любую из них. А может взять обеих, если захочет.

* * *

Книжные прилавки 90-х буйно цвели всевозможной образовательной, целительной и прочей спасительной литературой. Доморощенные психологи, экстрасенсы, травники делились

одним им ведомой, сокровенной правдой о том, как жить, и измученный последствиями гайдоровских реформ народ радостно это хавал. По настоянию Таинога отца бо́льшая часть изданий покоилась на веранде, уныло плесневела во влажном и плохо продуваемом углу. Тая любила их перебирать, когда ее в наказание оставляли дома. Пристроившись на стопке книг, читала она об удивительной, безотказной, доступной каждому возможности лечения всех болезней кипяченой мочой, о тонких телах и лунных циклах, о связи даты рождения с судьбой, о толковании сновидений, бесах и энергетических вампирах. Особенно волновало Таю, что в дате ее рождения отсутствовала семерка, указывающая на талант; авторами утверждалось, будто человек без семерок живет очень трудно, ни в чем не имеет успеха, и получить семерки сможет он только в следующем воплощении, если приложит к тому определенные старания. Тае очень обидно было ждать новой инкарнации, талантливой хотелось быть прямо сейчас.

В другой гнутой промасленной книжонке Тая вычитала: когда родители заставляют ребенка насильно съесть все с тарелки, он вырастает человеком, не способным сказать «нет», сделать трудный выбор или поменять свою жизнь, ежели по какой-то причине она его не устраивает. Мама не могла. Она каждый день жаловалась на НИИ, на то, что там одни старухи, обшарпанные стены, застой, алкоголизм и унижительные зарплаты, но другую работу искать даже не пыталась. Тая решила, это потому, что бабушка заставляла маленькую маму съесть желток. И теперь мама так же послушно «съедает» все предложенное жизнью, все неудобства, унижения, несправедливости.

Еще бабушка всю жизнь покупала впрок. Советские дефициты и очереди перевязали-переплели бабушкину душу, обмусолив в ней каждую ниточку, как бабушка сама перевязывала по несколько раз рваные шерстяные носки – даже теперь, в эпоху изобилия, не могла оставить она прежних привычек. На Таю, родившуюся в другом тысячелетии, надевали советские еще колготки, невесте кому предназначавшиеся, возможно, ее маленькой матери: коричневые, грубые, как бумага, в крупный рубчик, с истертой этикеткой-ценой: 1 р. 30 коп. Хранили их столько лет потому, что, некогда запасенные, не надевались они ни разу.

Стоило Тае высказать протест против каких-нибудь старых странных вещей, предлагаемых бабушкой, на нее тут же накатывался холодный, как кэмероновская Северная Атлантика, бабушкин взгляд.

– Ишь, зажрались... Все им не так и не то!

До мозга костей советская бабушка не стеснялась повторять эту фразу теперь, когда в моду вошли понятия «свобода выбора», «психологическое насилие», «личное пространство» и проч., проч., проч.

«Ты сама “съедаешь” неприемлемую ситуацию. Соглашаешься. Подминаешься. Надо бороться, а ты сдаешь позиции. Чем ты лучше мамы?»

«А что ты можешь еще сделать, кроме как сдать позиции? Захар тебя не любит. Ему нужна Люся. И все. Хоть башкой бейся об этот тезис».

«Если долго биться башкой, и стену подвинешь».

«Или башка развалится».

«Эх, не борец ты. Не борец».

– Не думай обо мне! Знаю, это непросто. – Тая сидела на досках скрестив ноги и расчесывала волосы. – Я пытаюсь поставить себя на твое место, и мое сердце разрывается: трудный выбор, невозможный...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.